

Издатель

ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Литературный журнал

Verba

<https://verba.petrso.ru>

Выпуск 1 (№ 1), 2021

Главный редактор

И. В. Львова

Редакционная коллегия

И. В. Львова

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Ленина, 33.

E-mail: verba@petrsu.ru

<https://verba.petrso.ru>

Проза

Ночь в Париже

ЛИСКОВ Арсений

бакалавриат, ПетрГУ (Петрозаводск),
liskov2000@bk.ru,
бакалавриат

***

Как-то в Париже, плутая по извилистым улочкам, выложенным брусчаткой, я наткнулся на небольшой бар. Маленькая дверь, окаймлённая густым плющом, каменные ступеньки, будто ведущие в подземелье. Уставший и потерявшийся, я решил заглянуть туда, выпить чего-нибудь горячительного и узнать, как мне выбраться к Шанз-Элизе из этой части города. Солнце уже закатилось, оставив в память о себе лишь ярко-розовый отблеск, с каждой минутой стекающий за линию горизонта. Запечатлев этот чудесный образ в памяти, я толкнул тяжёлую дверь.

Вечерняя прохлада осталась позади, вместе с шумом большого города. В помещении царил приятный полумрак, над сонными посетителями кое-где клубились облачка седого дыма. У барной стойки было пусто. Только одна пожилая дама сидела, склонившись над огромным бокалом красного вина. Массивные стеклянные бусы тускло поблёскивали на тёмном дереве. Между её пальцев, украшенных дешёвыми перстнями, была зажата тонкая сигаретка. Вся она казалась словно бы гостьей из прошлого.

Я, недолго думая, опустился на стул возле элегантной старушки. Бармен возник будто из сигаретного дыма. Я был в Париже впервые и отдавал себя на милость гостеприимных французов, поэтому попросил вина на его вкус.

Услышав звон колокольчика, я обернулся к двери. На улицы уже растеклась ночь. Дверь захлопнулась, всколыхнув кружева дыма. Я слышал, как за моей спиной плескалось вино.

На пороге стоял человек: худой, в очках, с растрёпанными тёмными волосами. Он был одет в полосатую водолазку, на шее болтался непонятного цвета шарф. «Боже мой, – подумал я, – ему не хватает только берета и усиков».

Молодой человек был явно чем-то взволнован. На несколько секунд он задержался

у входа, затем протопал к дальней стене зала, уселся за стол, достал потрёпанный блокнот и ручку. Окинув взглядом помещение, он, опечаленный чем-то, принялся с ужасающей скоростью писать на бумаге пером.

– Давно в Париже? – вдруг раздался чуть сипловатый голос.

Женщина, окружённая облачком дыма, с интересом смотрела на меня.

– Нет...три дня.

– Вы не здешний, так? Откуда вы, молодой человек? – спросила она, протягивая руку к бокалу.

– Из России.

–Я не ошиблась. Вы знаете, «Война и мир» – мой любимый роман несмотря на то, что я француженка. Моё имя – Лилиан Сен-Клер.

Она сделала большой глоток.

–А вы...

–Евгений...

–Евгений, что вы делаете в таком месте? Я хочу сказать, вы первый иностранец, которого я встречаю здесь.

–Знакомлюсь с городом, – уронил я первое, что пришло на ум.

–Знаете, у этой забегаловки тоже есть своя история. Если вам хосется послушать одинокую болтливую старуху, я с удовольствием вам расскажу...

–Конечно, – ответил я. В этом месте было очень уютно, возвращаться на тёмные незнакомые улицы не хотелось.

– Почти пятьсот лет назад на этом месте стоял дом баснословно богатого дворянина. Он прожил долгую, надо сказать, счастливую жизнь. Сам король Людовик четырнадцатый бывал в его доме, а Лафонтен читал в гостиной стихи. Его сын, посредственный композитор, после смерти отца промотал состояние и, лишившись должности при дворе короля, умер в нищете. Дом долгие годы стоял пустым, ведь наследника у композитора не было.

Мадам Сен-Клер сделала глоток и мгновение замороженно рассматривала содержимое бокала.

– А в дни революции здесь даже бывали якобинцы. Споры здесь разгорались нешуточные... Крушение Бастилии стало их эхом... хе-хе... Старый дом был уничтожен во время сражений в Париже. Здание, в котором мы находимся,

построено всего каких-то двести лет назад. А потом на свет появилась я...хе-хе-хе...
– она рассмеялась, бусы затряслись на деревянной панели, задорно позвякивая.

– Нет, мне меньше ста лет, хотя вы можете мне не верить, – она снова поднесла к ярко накрашенным губам бокал с остатками алого вина.

– Охотно верю, – ответил я на неуклюжем французском. Она, казалось, уловила моё смущение и заметила (не без доли лукавства, как мне показалось):

– Вы неплохо говорите по-французски, скажу я вам. Я знала одного русского, он сбежал из Союза, это было ещё при том круглолицем мужчине, что всё размахивал кукурузой... Так вот. Когда он пытался что-то сказать по-французски, звучало это как последняя воля умирающей лягушки.

Она замолчала, задумавшись. Возможно, в её памяти ожили люди, давно ушедшие, или она вернулась в молодость, безвозвратно утерянную. Я поглядел на неё через рубиновую призму вина и увидел смутный образ... на секунду передо мной явилась девушка, так мне показалось.

Я не стал ей мешать, а решил понаблюдать за юным французом в шарфе. Он сидел, грустно уставившись на скатерть, где покоилась груда истерзанной бумаги – вероятно, блокнот или тетрадь.

Мадам Сен-Клер поймала мой взгляд и сказала:

– Это Мишель. Михаил, по-вашему, если не ошибаюсь.

Я обернулся к ней, взглядом выказывая интерес.

– Он – поэт. Каждый вечер ждёт здесь свою музу. Но её всё нет и нет. Вот он и изливает свою любовь на бумаге, а к ночи собирает всё в одну кучу и убегает. И так продолжается вот уже несколько лет. За всё это время он только однажды сказал что-то вроде «Je t'attends^[1]» – и тут же исчез.

Та вот оно что! Несчастный влюблённый. Париж...

– Мадам Сен-Клер, я хотел бы задать вам вопрос, он может прозвучать странно...

– Говорите, спрашивайте. Я здесь для того и сижу!

– Вы поднимались когда-нибудь на Эйфелеву башню?

– Нет, – отрезала она, делая характерный жест рукой.

– Как?.. – начал было я, – вы же...

– ...Я же парижанка? Да. Я – парижанка. Но зачем мне, право, лезть на Эйфелеву башню?

– Увидеть Париж...

– ...И умереть. Так и будет, хе-хе. Я, знаете ли, не люблю высоту. Я же женщина, а не птица.

Я вдруг почувствовал, что краснею. В моём бокале алело вино. Казалось, оно густело.

– Вы любите вино, мсье Евгений?..

– Не особенно. Я не разбираюсь в винах. Надеюсь визитом во Францию сгладить свою неотёсанность...

– В таком случае, вы очень удачно оказались здесь, с нами, мсье Евгений. Наш Поль – лучший специалист по винам в... на нашей улочке точно! – старушка изящно взмахнула рукой

– Поль! Непростительно будет отпустить этого юношу сегодня на твёрдых ногах! Мы покажем вам, что такое французское гостеприимство, а вы расскажете нам что-нибудь о русской литературе. Больно вы похожи на писателя!

При этих её словах унылый поэт оторвал голову от очередного сочинение и с любопытством, написанным на лице, уставился на нас.

– Почему вы так решили? – искренне поинтересовался я.

Усмехнувшись, мадам Сен-Клер придвинулась ко мне и сказала:

– У вас такой вид, будто вы ищете ручку. Взгляд сосредоточенный, словно вы силитесь запечатлеть этот вечер как можно более отчётливо. А ваши пальцы подрагивают. Я знала нескольких писателей. И вы один из них. Я бы сказала, вы всегда что-то ищете, вы пытаетесь понять себя и этот мир, и ничего у вас не выходит. Вы ведь не случайно оказались на нашей улочке, ведь так? Вы ищете историю, и, уверяю, вы её нашли!..

– Я запишу нашу встречу, если не забуду...

– Чтобы вы забыли нас? Я вам гарантирую, этого не будет! Поль, дорогой, организуешь нам путешествие лет, этак, на тридцать в прошлое?..

– С удовольствием, мадам Сен-Клер, – насколько я помню, это были первые слова услужливого Поля.

Вечер преобразился. Зажгись огни, разогнали дымчатый полумрак. Ночь отступила, изредка заглядывая в полоски запотевших окон. Поль скрылся куда-то, но вскоре появился вновь, отряхивая несколько бутылей, укутанных пылью и паутиной. Хлопнула пробка, сладкий, пьянящий аромат прошлого разлился в воздухе...

***

Я помню светлое утро и шелест осенней листвы, когда я покидал Париж. В чемодане – увесистая рукопись. Нет, я не создал шедевр или даже посредственный текст. Я увожу с собой чужую жизнь, написанную на бумаге.

На следующий день после ночных посиделок, когда за окном завывал ветер, гоня бумажные листья, я не смог оставаться в квартире. Я исходил пол-Парижа, замёрз, но в замешательстве обнаружил, что не могу найти дорогу к тому милому моему сердцу месту. Люди, которых я не знал до вчерашнего дня, стали мне родными. Мишель даже сунул мне на прощание какой-то скомканный лист бумаги. То были стихи:

*«Она не знает состраданья,
Играет судьбами сердец,*

Не слышит скорбных восклицаний,

О! светлый образ моих грез!..» – и дальше что-то совсем невразумительное.

Только этот клочок бумаги свидетельствовал о том, что события прошлой ночи мне не пригрезились.

Каким-то чудом поэт сумел отыскать меня. Накануне моего отъезда из города любви он неожиданно появился на пороге квартиры, которую я снимал за гроши. В руках у него был свёрток, объёмный и, как мне показалось, довольно тяжёлый. Избегая встречи взглядом, рассматривая пол, он протянул мне его, и только когда свёрток оказался в моих руках, сказал:

–Мадам Сен-Клер...она умерла сегодня утром. Она просила передать вам это.

К посылке была приложена записка. Он уловил мой взгляд:

–Она хотела, чтобы вы прочли. Вы поймёте – были её слова.

Мишель подождал, когда я накину куртку, и мы отправились в сторону затерявшейся улочки. Странно и неестественно было видеть её при дневном свете. Париж утопал в золоте, всюду виднелись огненно-красные подпалины, и рыжий плющ взбирался по кирпичам зданий. Здесь и днём было немногочисленно. В погребке Поля по-прежнему царил полумрак, кое-где разогнанный пробившимися сквозь вековую пыль лучами осеннего солнца.

Весь следующий день мы читали. И, могу поклясться, я видел, как Поль, отвернувшись, будто в поисках полотенца, смахнул слезу.

Я приехал в Париж одиноким человеком, я искал себя и свою историю, а сейчас проводить меня пришли друзья. Молчаливый Поль явно был не в своей тарелке. Дневной свет и открытый воздух дурно сказывались на этом обитателе винных погребов. Мишель, взлохмаченный и счастливый, пришёл на вокзал в незастёгнутом

пальто. Ветер трепал серые полы, а из карманов сыпались невидимые стихи. Ни то бордовый, ни то зелёный шарф норовил сорваться с шеи и пуститься в свободный полёт....

Пришла пора прощаться. Мы молчали. Кто-то третий безмолвно присутствовал при нашем расставании. Я покосился на чемодан. Там покоилась летопись жизни мадам Лилиан Сен-Клер, то была хроника целого века. В ней переплетались судьбы живых и мёртвых, в ней был ответ на вопрос: что такое счастье? – в ней звучала музыка и шелестели голоса, в ней рождалась истина и тут же исчезала, потерянная и забытая.

Почему именно я явился тем, кому она поверила свои труды и дни? Честно говоря, не знаю. Могу только сказать одно: лучшая история для романа – это самая жизнь.

[1] Я жду тебя (фр.)